

ких даров от тех, кто обращается к нему с прошениями, чтобы они никоим образом не могли влиять на него.

Эти примеры, которые помогают нам увидеть в герое Жуанвиля живого человека, а не скульптурного святого, не выдуманы, и мы не должны истолковывать их как какие-то порочащие пятна на памяти благородного властителя и друга. «Жизнь Людовика Святого» предстает достойной данью памяти короля, который в современном ему мире был идеалом христианина и подлинного рыцаря, человеком, авторитет которого позволял ему руководить людьми, доверившимися ему. Любовь и уважение к доброму королю, а также скорбь от потери дорогого друга нашли выразительное воплощение в сне Жуанвиля о Людовике Святом, который стал достойным завершением его книги.

С моей точки зрения, кроме исторического интереса, эти старые хроники имеют непреходящую ценность, как подлинные человеческие документы, в которых мы видим, как мало по прошествии веков меняются дух человека и его поведение в тревожные времена. Конечно, есть некоторые особенности, которые отличают их от трудов, написанных в наши дни. Но какое впечатление производят эти отличия? Они невелики по сравнению с работой Виллардуэна, в которой его откровенное и искреннее повествование о давней кампании и устаревшие военные термины и выражения настолько близки к манере изложения мемуаров военачальников Второй мировой войны (взять хотя бы воспоминания фельдмаршала Монтгомери о кампании в Северной Африке), что кажется, будто лишь «тонкая стенка» отделяет рыцарей того далекого столетия от солдат, сражавшихся под Эль-Аламейном в 1942 году. Надо признать, что некоторые странности во взглядах Жуанвиля на окружающий его мир, его наивное принятие идей, которые больше не имеют хождения в нашем ученом социуме, являются эхом давно прошедших времен. Тем не менее (по отношению ко всей его хронике) такие отступления в ней, когда появляются вроде бы несущественные подробности, говорят об уровне мышления в XIII столетии. На переднем же плане, как и у Виллардуэна, – идеал рыцарского служения, на котором базируется и наша концепция цивилизованного человека. Кроме того, волнующий рассказ о войске, которое ждало поражение и плен, выразительно описывает ужасы войны, и яркие чистые краски повествования не потускнели от времени.

Это все, что можно сказать о содержании данных хроник. Как их форму будет воспринимать современный читатель? По моему мнению, версия, которая попытается имитировать архаические идиомы – кстати, помимо всего прочего, словарь для их передачи настолько ограничен, что некоторые слова будут повторяться с монотонной частотой, а предложения, часто вольно составленные, соединяются многочисленными союзами «и», – безусловно даст представление о непреходящих ценностях, но главным образом будет настойчиво выявлять случайные различия между их веком и нашим.

Жоффруа де Виллардуэн ИСТОРИЯ ЗАВОЕВАНИЯ КОНСТАНТИНОПОЛЯ

Глава 1 ПРИЗЫВ К 4-МУ КРЕСТОВОМУ ПОХОДУ

1199–1201 годы

В году от рождения Господа нашего 1198-м, когда Иннокентий был папой римским, Филипп – королем Франции, а Ричард – королем Англии, жил во Франции человек святого поведения, по имени Фульк, который был членом священного ордена и священником прихода в Нейи, маленьком городке, лежащем между Парижем и Ланьи-сюр-Марн. Этот самый Фульк начал молить о Слове Господнем во всей Иль-де-Франс и других окружающих провинциях, и Господь сотворил через него много чудес.

Рассказы о молениях этого доброго человека так широко разошлись, что дошли до папы Иннокентия. И тот направил послание во Францию и поручил этому благочестивому мужу, чтобы тот проповедовал Крестовый поход от его, папы, имени. Несколько позже он направил одного из сво-